

СУДНЫЙ ДЕНЬ

СТИВ КАВАНА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К12

Steve Cavanagh
THE DEVIL'S ADVOCATE

Copyright © Steve Cavanagh 2021

Кавана, Стив.

К12 Судный день / Стив Кавана ; [перевод с английского А. И. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-228688-9

Амбициозный окружной прокурор Рэндал Корн не знает поражений в суде. Никто в стране не отправил на смертную казнь больше осужденных, чем он. Этот человек живет, чтобы наблюдать за исполнением смертных приговоров. Даже если приговоренные невиновны...

Молодому парню Энди Дюбуа грозит смертная казнь за убийство девушки, всеобщей любимицы жителей алабамского городка Бакстаун. Улики против него железобетонные, а Корн уже сделал все, чтобы обеспечить в суде быстрый приговор — и электрический стул для несчастного.

Единственное, чего не учел прокурор, — это вмешательство Эдди Флинна. Тот не верит, что парень — убийца, а значит, сделает все для того, чтобы спасти его. У удачливого нью-йоркского адвоката есть всего семь дней, чтобы спасти невиновного и найти настоящего преступника. Но Корн так просто не сдастся. Козыри у него на руках, а главное — он здесь хозяин и не привык проигрывать...

Через неделю судья огласит приговор. Но доживет ли Эдди до его вынесения?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Артём Лисочкин, перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-228688-9

*Джону, Мэту и Алану.
За дружбу.*

ПРОЛОГ

*Исправительное учреждение
имени Уильяма Холмана,
округ Эскамбия, Алабама*

Рэндал Корн ждал этого момента долгих четыре года.

Он стоял в камере для исполнения смертных приговоров, скрестив руки на груди, и смотрел на стоящий посреди нее электрический стул. Этому угловатому сооружению было уже почти сто лет. Построенное из красного дерева, оно было выкрашено такой же ярко-желтой краской, какой наносят осевые линии на шоссе. Краску позаимствовали в дорожном управлении штата, расположенном неподалеку от пенитенциарного учреждения, поименованного в честь его бывшего начальника. Прозывали этот стул «Желтой мамашей».

Сто сорок девять человек, которые некогда сели на него, никогда уже больше не встали.

Электронные часы на стене показывали 23:45.

Время уже почти подошло. Выйдя из камеры с кирпичными стенами, Корн оказался в коридоре из шлакоблоков. Голых, шершавых, некрашенных. Дверь слева вела в комнату, из которой осуществлялось управление креслом, — пультовую. Не заходя туда, он направился напрямик в помещение в конце коридора, где лицом друг к другу располагались две скамьи. На одной сидел священник, на другой — команда исполнителей приговора. Задачей этих четверых сотрудников исправительного учреждения было доставить заключенного из камеры смертников к стулу и пристегнуть его ремнями — и все это менее чем за две минуты.

Корн махнул им рукой, и старший группы исполнителей кивнул в ответ. Священника Корн проигнорировал. За этими скамьями узенький коридор сворачивал налево. В самом конце его находилась маленькая зарешеченная камера, а внутри нее, сидя на койке и уставившись в телевизор, дожидался своей участи Дариус Робинсон. Он только что съел свой последний ужин — рубленый бифштекс в кляре с кукурузным хлебом, — запив его банкой «Пепси». Священник уже проводил его в последний путь. Голова и левая икра осужденного были начисто выбриты. Отделял Дариуса от «Желтой мамы» теперь лишь один-единственный человек.

Звали его Коди Уоррен.

Коди находился в коридоре рядом с камерой, прижимая к уху трубку древнего телефона, прикрепленного к стене. Корн прекрасно знал, чем сейчас занят Коди. Тот оставался на связи с офисом губернатора, ожидая, пока вице-губернатор Крис Пэтчетт просмотрит бумаги, которые Коди отправил ему на предмет отсрочки исполнения приговора. Как адвокат защиты, уже не раз имевший дело со смертными приговорами в Алабаме, Коди был единственным человеком, способным убедить губернатора сохранить жизнь своему клиенту.

Корн стоял совершенно неподвижно — долговязый худощавый мужчина, отличающийся весьма скромной мускулатурой и полным отсутствием жира в теле. Хотя не то чтобы он не старался поддерживать себя в форме. Ел он совсем мало, и это было хорошо заметно. Его острыми выступающими скулами можно было бы нарезать мясо. И никаких возрастных морщин, даже намек на них. Некоторые говорили, что лицо у него словно у какой-то жутковатой фарфоровой куклы. Со своими темными волосами, расчесанными на косой пробор, и очками в металлической оправе, аккуратно и ровно сидящими на носу, выглядел он как куда более пожилой человек, который ukrал для себя у кого-то более молодое тело. Маленькие черные глаза Корна сидели прямо под нависающими над ними густыми бровями, как будто скрывающими его пристальный взгляд. Рот был просто темной

прорезью на лице. При росте в шесть футов семь дюймов он вполне мог бы добиться успеха в спорте, если б избрал спортивную стезю, но вместо этого Корн всегда предпочитал сидеть дома, не показываясь на белый свет, — читать, учиться и размышлять. Словно старый паук, плетущий паутину, которую только он сам способен увидеть.

Дариус Робинсон, двадцати пяти лет от роду, был признан виновным в убийстве и приговорен к смертной казни еще четыре года назад. Все апелляционные возможности были вскоре исчерпаны. Жертвой этого преступления стал торговец подержанными автомобилями, убитый выстрелом в грудь во время ограбления. Торговца застрелил человек по фамилии Портер, забрав у него пять тысяч наличными. А Робинсон всего лишь привез Портера на демонстрационную площадку при дилерском центре и увез его оттуда после ограбления. Он утверждал, будто и знать не знал, что Портер вооружен, и всего лишь подвез его на эту площадку, чтобы тот мог забрать оттуда купленную машину. Сам Портер был застрелен полицией буквально через сутки после ограбления. Робинсон уверял присяжных, что у него не было при себе никакого оружия, что он даже не заходил на эту стоянку, что все это время находился в своей машине и понятия не имел, что Портер намеревался кого-то ограбить, пока не услышал выстрел. Он даже сказал, что Портер угрожал застрелить его самого, если он не увезет его с места преступления после ограбления.

В округе Санвилл это не имело значения. Рэндал Корн, окружной прокурор, сумел убедить присяжных, что Робинсон тоже участвовал в ограблении и знал, что Портер вооружен. Согласно законам о соучастии, этого было достаточно, чтобы отправить Робинсона в камеру смертников и обращаться с ним так, как будто это он сам произвел смертельный выстрел. Все казни в Алабаме проводятся в исправительном учреждении имени Холмана, в округе Эскамбия, соседнем с Санвиллом.

Корн знал, что, поскольку тем, кто на самом деле спустил курок, был Портер, всегда оставался очень хороший шанс на смягчение приговора.

Коди был старше Корна, и на лице у него отражался каждый год из его шестидесяти трех. Лоб прорезали глубокие морщины. Под глазами залегли «гусиные лапки», хотя глаза эти по-прежнему светились надеждой. Его костюмный пиджак и галстук валялись прямо на крашеном бетонном полу. Смахнув пот со лба и проведя рукой по своим седым волосам, Коди Уоррен вновь прижал трубку к уху. Он был хорошим адвокатом и практически не сомневался, что спасет жизнь Дариусу, пусть даже и не сумеет подарить ему свободу.

— Ну что там губернаторские — молчат пока? — спросил у него Корн.

Повернувшись к нему, Коди покачал головой, а затем бросил взгляд на часы. Без десяти минут полночь. Всего десять минут до того, как Дариус Робинсон сделает свои последние в жизни шаги к стулу. Телефон на стене был подсоединен напрямую к офису губернатора, но большинство адвокатов просто ждали возле него у моря погоды. Как и Коди, вслушиваясь в мертвую тишину в ожидании акта милосердия.

— Он обязательно смягчит мне приговор! Я это знаю! Я невиновен! — послышался пресекающийся голос. Обернувшись, Корн увидел Дариуса, который ухватился за железные прутья камеры смертников и чуть ли не приплясывал перед решеткой, нетерпеливо прикусив губу. По лицу у него ручьями струился пот, хотя в коридоре было прохладно. Ожидание телефонного звонка, от которого зависит, жить тебе дальше или умереть, способно разорвать человека на части, и Дариус выказывал все признаки сильного психического напряжения.

Вытащив из кармана пиджака сотовый телефон, Корн чиркнул пальцем по экрану, потыкал в него и поднес аппарат к уху.

— Вице-губернатор Пэтчетт? — произнес он. — Я здесь с Коди Уорреном и виновником торжества, мистером Робинсоном. Насколько я понимаю, мистер Уоррен по-прежнему ждет ответа от вашей епархии?

Слушания по делу об импичменте губернатора Алабамы были в самом разгаре, хотя и отложены в связи с тем,

что губернатор взял отпуск по болезни и в настоящий момент поправлял здоровье в какой-то больнице в Арканзасе. Поскольку он находился за пределами штата, всеми делами ведал вице-губернатор.

Корн опять ткнул в экран, включив громкую связь, чтобы Коди и Дариус могли слышать разговор.

— Я все еще обдумываю решение на этот счет. Хотя хотелось бы сначала узнать ваше мнение, — ответил Пэтчетт.

— Конечно. Позвольте мне обсудить ситуацию с мистером Уорреном. Я пока что переведу вас в режим ожидания.

Уоррен бросил трубку на рычаг древнего настенного телефона. Он уже почти час не мог дозвониться до офиса губернатора, и Корн не без удовольствия дал ему понять, что может связаться с губернатором в любую минуту. Эта небольшая демонстрация силы вызвала у Корна приятное покалывание в животе.

— Послушайте, Корн... Он сыграл куда как меньшую роль в том ограблении, как ни крути. Он не заслуживает смерти, и вы это прекрасно знаете. Он еще совсем молодой человек. У него вся жизнь впереди, и я просто-таки убежден, что в один прекрасный день появятся новые свидетельства, которые очистят его имя. Пожалуйста, просто дайте ему шанс, — произнес Уоррен прерывающимся и уже готовым сорваться на крик голосом: он не покладая рук пытался спасти Дариуса Робинсона от «Желтой мамы» вот уже пять дней подряд.

Выражение лица Корна оставалось бесстрастным. Этого пустого, кукольного лица. Он ничего не сказал в ответ, явно наслаждаясь видом того, как Уоррен, затаив дыхание, заглядывает ему в глаза, дожидаясь ответа, в поисках хоть какой-то надежды.

Никто не произнес ни слова. Никто не осмеливался даже вдохнуть воздуха. Корн мог стоять совершенно неподвижно, когда хотел, — еще одна черта, из-за которой он временами казался чем-то неодушевленным. Всех окутала зловещая тишина, полная вероятных перспектив и затаенного страха. И Корн наслаждался этой зловещей тишиной, как будто купался в мертвой воде.

А затем эта тишина была нарушена. Дариус резко втянул воздух сквозь зубы. Это напоминало тот мимолетный вакуум в космосе, когда ядро звезды разрушается, затягивая все в свою разбитую на куски сердцевину — прямо перед тем, как взорваться ослепительной вспышкой.

— Портер наставил на меня пистолет после ограбления! Если б я не увез его оттуда, он бы меня убил! Я не знал, что он собирался кого-то застрелить и ограбить. Клянусь, что не знал! — выкрикнул Дариус, и в каждом его слове сквозили страх и отчаяние.

— Я вам верю, — негромко произнес Корн.

— Вы... что? — изумленно спросил Уоррен.

— Я верю ему. Исполняющий обязанности губернатора поступит так, как я ему скажу. Я прямо сейчас опять к нему подключусь. Дайте мне секундочку, и скоро все закончится, — произнес Корн.

По щекам Дариуса Робинсона потекли слезы.

Плечи Коди Уоррена резко обмякли, как будто со спины у него только что сняли какой-то тяжеленный груз. Он поднял глаза к потолку, прошептал: «Слава небесам!» и закрыл глаза. Он только что спас жизнь этому молодому человеку. И в этот момент ничто не могло быть для него столь же сладостным, как это чувство облегчения.

Коди подошел к камере смертников, просунул руки сквозь решетку и обхватил своего клиента за щеки.

— Все будет хорошо, — шепнул он.

Корн большим пальцем нажал на экран своего мобильного.

— Губернатор, вы еще здесь?

— Здесь. Давайте не будем затягивать, Рэндал. Чего вы от меня хотите? Вообще-то я склонен смягчить приговор, основываясь на аргументах мистера Уоррена, но все-таки не пойду против своего окружного прокурора, если только у вас самого нет каких-либо веских аргументов. Что вы сами-то по этому поводу думаете?

Корн на шаг отступил, любуясь открывшейся перед ним сценой. Уоррен и Робинсон обнимали друг друга через прутья камеры. Теперь уже оба плакали.

— Я поговорил с мистером Уорреном. Он весьма убедителен. У него есть веские аргументы в пользу смягчения приговора Робинсону. Насколько я понимаю, вы тоже этого хотите. Нелегко отнять жизнь даже во имя правосудия, — произнес Корн в телефон.

Уоррен и Робинсон теперь улыбались сквозь слезы, смеялись. Необъятный, невообразимый страх, который сковывал их в течение нескольких недель, остался позади, и чувство облегчения тоже было всеобъемлющим.

— Но именно поэтому мы *обязаны* исполнить приговор по этому делу, — закончил Корн.

Уоррен первым осознал, что только что услышал. Голова у него резко повернулась, глаза нацелились на окружного прокурора.

— Присяжные признали мистера Робинсона виновным в убийстве и приговорили его к смертной казни. Мы проявим вопиющее неуважение к этим присяжным, а также к жертве мистера Робинсона, если оставим его в живых. Нет — по моему мнению, Дариус Робинсон должен сегодня же вечером расстаться с жизнью.

Уоррен двинулся было к Корну, но два охранника встали между ними, схватили Уоррена за руки и оттащили его назад.

— Как я уже сказал, Рэндал, я не собираюсь оспаривать ваше решение. Казнь состоится так, как это было запланировано. Ходатайство о помиловании осужденного отклоняется, — объявил Пэтчетт.

* * *

В течение нескольких недель, предшествовавших этому дню, сотрудники Департамента исполнения наказаний проводили подготовительные учения, уделяя все внимание тому, чтобы ремни были плотно затянуты, губка на голове приговоренного содержала достаточное количество солевого физиологического раствора, а все электроды надежно закреплены. Покончив со своими хорошо отработанными действиями менее чем за две минуты, они вышли из каме-

ры исполнения смертных приговоров, оставив Робинсона пристегнутым ремнями к «Желтой мамаше» и с завязанными глазами.

Сама камера была относительно небольшой. Электрический стул располагался в самом центре этой комнаты с кирпичными стенами, перед большим смотровым окном. Пульт с рубильниками и измерительными приборами находился в отдельном помещении. Сквозь стеклянное окошко в двери этого помещения Корну и предстояло наблюдать за казнью.

Синяя тюремная роба Робинсона подверглась некоторой доработке. Левая штанина на ней была отрезана чуть выше колена. К икре осужденного был прикреплен электрод, смазанный токопроводящим гелем. Обе ноги были притянуты к стулу за лодыжки толстыми кожаными ремнями с яркими никелированными пряжками. Другие ремни перетягивали живот, грудь, руки и лоб. Губка, содержащая ровно три унции физиологического раствора, была уже надежно укреплена на электроде, высывавшемся из того, что тут именовалось «шлемом», — колпака, который подаст в тело Корна большую часть тока. Если б в губке оказалось слишком много физиологического раствора, этот электрод закоротило бы. Если слишком мало, то у Дариуса могла загореться голова.

На тюремной робе заключенного темнели влажные пятна — под мышками и на груди. Одежда Робинсона просто-таки пропиталась потом. Даже крепко пристегнутый, он все равно дрожал, словно пистолет в руке у маленького ребенка.

При помощи рычага в пультовой подняли занавес в камере со стулом, открыв стеклянную стену и людей за ней. Полдюжины свидетелей. Никто из них не имел никакого отношения к торговцу подержанными автомобилями, убитому Портером. Нет, это были профессиональные свидетели и репортеры. Коди Уоррена там не было. Его вывели из здания. Корн мог видеть свидетелей, но они не могли видеть его — его смотровая панель была односторонней.

Осужденному было предложено произнести последнее слово.

— Я невиновен, и все они это знают!

Корн тоже это знал. Однако это его ничуть не заботило. Он не стал бы прокурором в штате, где до сих пор применяется смертная казнь, если б его заботили такие вещи, как вина и невиновность. Его привлекала система. Правосудие было просто плащом, который он надевал, чтобы скрыть свою истинную натуру.

Теперь воцарилась полная тишина. А затем он услышал глухой стук, с которым смертоносная аппаратура возродилась к жизни.

Через секунду Корн услышал что-то еще — низкое гудение, которое внезапно стало громче, когда левое плечо Робинсона резко дернулось, а затем ударилось о спинку стула.

«Желтая мамаша» начала прогонять свой первый цикл.

Через Робинсона теперь проходил электрический ток напряжением почти в две с половиной тысячи вольт. Глаза у Корна расширились, губы приоткрылись. Во рту появился металлический привкус. Воздух был до предела насыщен статическим электричеством.

Первые две секунды все выглядело так, будто какая-то невидимая сила прижала плечи Робинсона к спинке стула. Еще две секунды все его тело дико дергалось, словно в живот ему воткнули отбойный молоток. Этот первый разряд должен был вырубить его, остановить сердце.

Однако не сделал ни того, ни другого. Человеческий череп — неважный проводник тока.

Еще через пять секунд ток был отключен. При повторном включении напряжение было уже намного ниже — всего семьсот вольт. Таким оно должно было оставаться на протяжении еще тридцати секунд, а затем машина автоматически выключалась. Если Робинсон за это время не умрет, то весь процесс должен был повториться.

Корн стоял у смотрового окошка и все это время наблюдал за происходящим, не сводя глаз с Робинсона.

Так ни разу и не оторвав взгляд от человека на стуле.

Даже когда кожа у того начала дымиться. Даже когда ток сломал ему левую берцовую кость. Даже когда изо рта у него пошла кровавая пена.

Все это время Корну казалось, будто электрический ток течет по его собственным венам. Словно какая-то стихийная, первобытная сила переполняет его. Будучи окружным прокурором, он обладал властью над жизнью и смертью, держа их в своих длинных костлявых руках. И ему это нравилось. Он убил этого человека столь же верно, как если бы пустил ему пулю в лоб, и эта мысль опьяняла его. Застрелить или зарезать кого-то было для Корна чем-то совсем иным. Чем-то слишком уж звериным. Корн убивал, используя силу своего положения, свой разум и свое профессиональное мастерство. И это доставляло ему больше удовольствия, чем он когда-либо мог себе представить. Все это время он желал, чтобы Робинсон подольше оставался в живых, хотя бы еще немного...

Достаточно долго, чтобы как следует помучиться.

Когда дело было сделано, над «Желтой мамашей» поднялось облако дыма, и Корн невольно затаил дыхание.

Дариусу Робинсону потребовалось девять минут, чтобы умереть.

И в эти девять мучительных минут Рэндал Корн чувствовал себя по-настоящему живым.

Пять месяцев спустя

Скайлар Эдвардс

Укрывшись в углу кухни в баре Хогга, Скайлар Эдвардс двумя большими пальцами быстро набирала сообщение на своем телефоне. Щелчки, которые она слышала при каждом нажатии на экран, были всего лишь звуковыми эффектами, имитирующими тарахтение старой компьютерной клавиатуры, но даже эти звуки несли в себе гневное раздражение, которое она только что вложила в свой текст. Закончив набирать сообщение, Скайлар ткнула в «Отправить» и сунула телефон в карман джинсов, пока владелец бара не отправился ее искать.

Была уже почти полночь, кухня закрылась несколько часов назад, и шеф-повар, применить к которому этот титул можно было разве что с большой натяжкой, ушел вскоре

после того, как вытер гриль грязной тряпкой. У нее не было никаких веских причин оставаться здесь, кроме как для того, чтобы на пять минут уединиться со своим телефоном. Ответ не должен был заставить долго себя ждать. Ее парень, Гэри Страуд, никогда не присылал длинных сообщений. Он предпочитал смайлики или гифки, чтобы скрыть ошибки при письме. Но у Скайлар не было времени ждать. Протиснувшись через двойные двери в коридор с туалетами, она через другую дверь прошла в бар.

Там осталось всего три посетителя. Местные, из Бакстауна. Из динамиков в углу бара все еще мягко наигрывал рок, но посетители не обращали на него внимания, дружно уставившись в телевизор.

— Слышь, Райан, можешь сделать погромче? — попросил крупный мужчина в конце стойки. Он просидел здесь почти весь вечер, покончив с едой, и пил газировку и имбирное пиво, разложив перед собой какие-то документы. Скайлар видела его здесь и раньше. Обычно он приходил, когда в баре было тихо, ковырялся со своими бумагами и смотрел какую-нибудь игру по телику. Не красавец, но сложен как бог и всегда оставлял хорошие чаевые.

— Конечно, Том, — отозвался Райан, ставя две полные кружки пива перед другими посетителями.

Ну да, точно — Том. Она знала, что он работает в офисе окружного прокурора. Видела его по телевизору, и как-то раз они даже обсуждали одно из его дел, около пяти месяцев назад. Дело человека, которого казнили в округе Эскамбия. Том помогал осудить этого человека. Он крайне неохотно говорил об этом — хотя, с другой стороны, Том вообще был не из особо разговорчивых. Райан Хогг, владелец бара, всегда относился к нему с подчеркнутым почтением.

Скайлар подняла взгляд на телевизор, когда Райан выключил стереосистему и прибавил громкость на плоском экране, висевшем на стене над баром. В новостях опять показывали нового губернатора, Пэтчетта, и речь опять шла про химический завод. «Я сделаю все возможное, только чтобы сохранить рабочие места в “Солант кемикалз”...»

— Они закрывают завод? — спросил Райан.